

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИИ НАЧАЛА 1990-х ГОДОВ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ МАРГИНАЛИСТИКИ

В данной статье автором с позиций социальной философии анализируются основные подходы к маргинальности и ее характеристики в применении к ситуации в России начала 1990-х годов. Делается вывод об активно протекавших тогда процессах деклассирования и маргинализации, но неточности представлений о массовой российской маргинальности.

Очень непростая ситуация в нашей стране в означенный период немало анализировалась историками, социологами, политологами, философами. В том числе и в свете изучения сложного феномена маргинальности. Главным вопросом здесь по-прежнему является, на наш взгляд, вопрос о том, какие же процессы с точки зрения социальной философии тогда преобладали. А еще точнее, верны ли довольно укоренившиеся утверждения о массовой российской маргинализации эпохи перемен и тогдашнем маргинальном положении подавляющего большинства населения.

Прежде, проясняя предмет анализа, остановимся на главных подходах и характеристиках, существующих в маргиналистике. Отметим здесь относительную новизну понятий «маргинальный» (с 1928 г.) и «маргинал» (с 1972 г.), особенно в отечественной науке (с 1980-х гг.), и сильную разнородность их понимания. Вкратце можно условно отметить в нем этнокультурный, социоструктурный, личностно-психологический, экономический, политологический, нормативно-правовой подходы и множество их смешанных версий. Они включают совершенно разные определения терминов и их критерии, называя маргинальными людьми и слоями далеко не одних и тех же, а также давая им различные характеристики и оценки. Здесь, думаем, необходимо разделять логико-семантические оттенки значения понятий «маргинальный», «маргинальность» и «маргинал». Они появились в науке далеко не одновременно, обозначая не совсем одно и то же. И дело тут не только в применении их по смыслу и очередности желательного к обезличенному положению субъекта, определенному явлению и живому человеку, дело и в неодинаковом звучании. Первое представляет собой отражение неопределенности, переходности как некой устремленной динамики, обычно

туманно очерченной хронологическими и атрибутивными рамками. В бытии отдельного индивида и общества неизбежны ситуации переходности, неопределенности, промежуточности. И маргинальное в широком смысле этого слова, как и маргинальная ситуация в частности, становятся объективными, перманентными в целом, что во многом снимает и негативное отношение к ним как к чему-то только отрицательному. Второе и третье понятия же явно тяготеют к социальной и личностной статике, констатации обычно долговременного и четко просматриваемого по критериям и срокам положения. Там найдена более или менее ясная точка отсчета, считающаяся центром, будь то нравственная норма, официальный закон, «чистота» происхождения или место проживания, и все не соответствующее ей. Причем, если маргинальность видится нам рядом ниш, объективно существующих статусов, куда попадают намеренно или случайно, то понятие «маргинал» – особой характеристикой личности, от нее не отделимой. А общим обозначением совокупности двух последних феноменов можно назвать термин «маргинализм».

Разделяя между собой процесс и положение, нельзя также смешивать маргинализацию и маргинальность. Важность кардинального различия обоих понятий видна сразу, но их соотношение и проблема демаркации далеко не так однозначны. Нужно четко разделять ситуацию маргинализации как длящегося, незавершенного процесса и маргинальность как данность, констатацию состояния, характеристику, в каком бы смысле она ни была представлена. Далее, не менее важным и сложным моментом является соотношение маргинальности в личном и общесоциальном планах. Как известно, существуют три степени идентичности любого человека: лич-

ностный, групповой и общественный. И на каждом из них может быть выделена своя маргинализация и своя маргинальность. Для пояснения, далее мы будем иметь в виду маргинализацию и маргинальность прежде всего как движение и положение в рамках крупных слоев и всего общества, в данном случае постсоветского российского. Такое понимание, считаем, прояснит и облегчит разбор заявленной в названии проблемы.

Итак, мы должны представить краткое сравнение конкретной исторической ситуации с теоретическими схемами основных направлений в изучении маргинальности. Сначала следует этнокультурный подход, появившийся ранее всего еще у Р. Парка и Э. Стоунквиста в первой половине XX века. Парком было предложено понятие «маргинальный человек» для обозначения культурного статуса и самосознания иммигрантов в США, оказавшихся в ситуации необходимости адаптации к новому для них урбанистическому образу жизни. То есть Р.Э. Парк говорил, главным образом, об этнокультурной маргинальности и трактовал ее феномен как промежуточность положения человека, волей судьбы обреченного одновременно сосуществовать в двух разных расовых и культурных группах. С точки зрения Парка, необходимым условием возникновения маргинальных ситуаций являются пространственные перемещения, мобильность, миграция. И это, по мнению автора, обуславливает возникновение т.н. «культурных гибридов», которые из-за своего положения на рубеже двух культур вынуждены принимать роль чужаков, обладая рядом характерных личностных черт: беспокойством, агрессивностью, честолюбием, чувствительностью, стесненностью, эгоцентричностью. Э. Стоунквист в своей работе «Маргинальный человек» выделял три фазы эволюции такого человека: 1) индивид не осознает, что его собственная жизнь охвачена культурным конфликтом, он лишь впитывает господствующую культуру; 2) конфликт переживается осознанно – именно на этой стадии индивид становится маргиналом; 3) успешные или безуспешные поиски приспособления к ситуации конфликта [10; 6-8]. С такой точки зрения маргинальность в нашей стране советского периода могла быть массовой лишь в

смысле сверхбыстрой урбанизации и масштабных внутренних перемещений целых групп и народов, т. к. внешних иммигрантов почти не было, а культурный уровень различных частей СССР постепенно выравнивался. Кроме того, с его распадом Россия как суверенная страна стала даже менее многонациональной, с очень явным преобладанием коренных этносов. Хотя отдельные межнациональные острые конфликты стали весьма болезненными, они, как видно из изложения основ концепции, имели с ней не так уж много общего. Далее, о проблеме миграции можно сказать, что она на рубеже эпох превратилась скорее в новую волну эмиграции. Приезжали же в основном русские и близкие к ним группы из бывших союзных республик. Масштабной иммиграции других народов, особенно нелегальной (т.н. «гастарбайтеров»), пока не наблюдалось. Это стало серьезной проблемой позже, в середине – второй половине 1990-х гг. Внутренняя миграция носила подчас болезненный, но ограниченный характер [4; 93-95] [9; 124-125]. Так что здесь названный период вряд ли можно назвать ярким примером концепции.

Теперь скажем о маргинальности в социальной структуре. Социологический подход рассматривает положение человека в социальной структуре того общества, в котором он живет. Маргиналами здесь считаются люди, по каким-либо причинам не входящие ни в одну из стандартных, «нормальных», легитимных социальных групп. Чаще всего социологическая маргинальность связана с процессом вертикальной мобильности, как правило, нисходящей, но даже самое «дно» всегда находится в рамках общества, а не вне его. Здесь возможен ряд вариантов понимания пограничности, окраинности маргиналов. Первую модель можно условно назвать «осадочной». Это самое привычное и традиционное для массового сознания восприятие маргиналов как социального «дна», «отбросов», темных и жутких «подвалов» социума. Своеобразной концентрацией самых низов в определенных профессиях и местах проживания, очень физически и духовно опасных для остальных членов общества, но неизбывных [16; 182]. Здесь та самая пограничность выражается в том, что ниже маргиналов в смысле их

положения и его оценки нет уже никого, они – нижний предел социальной структуры. Вероятность опуститься туда у «нормальных» членов вышестоящих групп обычно небольшая, но и выход оттуда весьма труден. Данная схема более характерна для традиционных обществ с пирамидальной структурой, где нижней прослойкой и служат маргинальные группы. Хотя в СССР провозглашалось всеобщее равенство, конечно, тяжелейшие проблемы с этим испытывали и там, особенно в последнее время его существования [17; 6-42] [18; 180-200]. Нищета, бесправие, преступность, хронический алкоголизм, наркомания, проституция, бродяжничество, т.н. бомжевание со всем сопутствующим им негативом имели место и тогда, явно обозначившись к концу 1980-х гг. В этом плане развал Союза и крушение системы социализма сочетались с резким скачком, распространением подобных явлений, действительно ставших из полускрытых теневых сторон суровой и все более угрожавшей повседневной явью. Будучи до того уделом относительно небольших отдельных категорий населения и территорий, теперь эти процессы и явления широко вылились за их грани. Упразднение системы даже формальной нивелировки породило скорую и невообразимую дифференциацию граждан по многим параметрам [8; 4-8] [11; 60-62]. Но, во-первых, ничего абсолютно нового тут не было, существовавшие и ранее маргинальные группы лишь многократно возросли по численности. Характерные черты их тоже мало изменились, гораздо более – масштабы и конкретные проявления. Во-вторых, пик их развития пришелся, пожалуй, тоже на более поздние годы, в разгар перемен он еще только предстоял. Также самые неустойчивые в социальном плане категории – молодежь и очень пожилые люди – не являлись тогда численным большинством, а основной костяк общества среднего возраста в массе своей не разложился, в целом устоял.

Другое понимание в данном подходе напоминает слоеный пирог. Там маргинальные элементы располагаются как бы в интервалах между основными стратами. Причем не обязательно представляют собой изгоев и худших людей. Просто они отличаются от основного

числа представителей своей общности, отколоты от нее, находятся на стыке культур, наций, сословий, классов, т. е. не имеют четкой социальной, этнической, правовой принадлежности, не обладают всеми соответствующими их положению признаками. Они обычно не являются полноправными членами если не всего общества, то своей страты. Но могут занимать довольно высокое положение и сравнительно легко выйти из неопределенности. Кроме того, падение вниз, в нижние страты для них не является непреложным законом. Они могут представлять собой вполне устойчивые и долговременные структуры.

Далее следует «крыльевая» схема. Она близка по принципу к предыдущей, но построена не по вертикали, а по горизонтали. В каждом слое и группах, входящих в общество, наличествуют аномальные, не характерные для них нравственные, поведенческие и иные модели. Они составляют две границы, два крыла приемлемого спектра поведения. Находящиеся в таком пограничье люди и называются маргинальными. Причем тогда маргинальность получается избирательной, относящейся только к определенной стороне жизни человека. И не жестко наказуемой, а во многом вызывающей лишь моральное осуждение, да и то в конкретном окружении и ситуации. Данное понимание отходит от иерархизации, жесткой привязки маргинальности к стратификационному разделению общества, делает акцент на других критериях его разделения, но применимо и к нему. Так, почти в каждом слое есть своего рода маргинальные люди по одному яркому признаку – например, сексуальные меньшинства или наркоманы – в большем или меньшем процентном отношении. Там они как бы «растворены» среди других представителей, но могут создавать в своих интересах объединения вдоль всей стратификации [10; 12] [12; 63].

По двум последним схемам приведем следующие общие соображения. Хотя на фоне коренной перестройки всего общества (или краха прежней структуры, кто как считает) плюрализация разных сфер жизни достигла максимума, говорить о преобладании тогда этих вариантов маргинальности, думаем, невозможно. Ведь они, как и первый, предпола-

гают наличие четкого, устоявшегося общественного деления, где и выделяются те или иные слои и группы. Тогда же таковой структуры просто не было, стихийный переходный период и не мог ей располагать. Кроме того, он сильно затянулся, упорядоченным и прочным положением многие не могли похвастать еще и значительно позже, не говоря уже о начале 90-х. Так что мы можем здесь говорить только о тенденции к широкой маргинализации, масштабы и результаты которой в то время, скорее всего, были еще мало ясны.

Тесно связана с социологической и экономической версия маргинальности, ее даже вряд ли можно считать самостоятельной. Здесь рассматривается социально-экономическое положение человека в обществе. И определяющее значение имеет уровень и характер доходов, вообще уровень жизни индивида и целых слоев. Маргиналами признаются самые беднейшие из них, находящиеся за чертой т.н. абсолютной бедности, не позволяющей сносно удовлетворять даже базовые биологические потребности. Отсюда выводится неразрывное сочетание бытовых, культурных, психолого-поведенческих, социоструктурных и правовых характеристик таких людей. Примером тут может служить т.н. «культура бедности», выделенная О. Льюисом [13; 14] [23; 30-34]. С этой точки зрения анализируемый период, конечно, характерен явным снижением общего уровня жизни подавляющего большинства населения, а для некоторых слоев – настоящей катастрофой. Но не даром данный критерий всегда подается в совокупности с другими, а они изменялись далеко не так быстро. И снова их сочетание, дающее уже явные очертания маргинальности, проявилось лишь со временем. Потеря работы или обесценивание сбережений не влекли сразу и непременно деградацию в остальных сферах жизни человека, потерю прежних связей и положения. Социально-экономическое, моральное и юридически оформленное падение редко проходят одновременно и стремительно. Более того, в условиях трансформирующегося социума его единство было нарушено, он как бы распался на несколько относительно независимых друг от друга измерений. И изменение материального положения индивида совсем не обязательно вело к изме-

нению его ниши в социальной структуре. Перемещаясь в одном «измерении», можно было сохранить свою позицию в другом [5; 12] [12; 66] [20; 79-80]. А взятый отдельно, критерий материального благосостояния нередко противоречит остальным. Так, огромные нелегальные доходы преступников намного превышали заработки законопослушных граждан, что создает коллизию отнесения к маргиналам именно последних, чего не может быть из-за негативной оценки и осуждения не их, а именно людей вне закона. На такой парадокс, сильно ограничивающий действие фактора доходов и уровня жизни, указывали еще советские ученые. Кроме того, нужно учитывать, что в то время заметно возрастали и жизненные запросы населения, происходила т.н. «революция притязаний», особенно у молодежи. То, что считалось вовсе не бедностью, а делом скромных трудящихся еще десятилетие назад («ведь почти все так живут»), стало таковой в свете новых, западных образцов жизни, резко отличавшихся от и без того тяжелой реальности. Серьезное повышение планки достатка на фоне глубочайшего кризиса в представлении многих неизбежно отсекало от него большинство населения, под властью негативных эмоций заочно приписывая им маргинальное положение. Но если бедными является большинство, это становится если и не признаваемой нормой, то очень распространенной моделью, все более требующей признания и легализации.

С точки зрения морально-психологического здоровья общества, о котором говорит еще один подход маргиналистики, асоциального и антисоциального поведения, ситуация, конечно, отчетливо ухудшилась и долго продолжала ухудшаться дальше [11; 61]. Но в этом тоже трудно заметить нечто совершенно не свойственное более ранним периодам, ведь многое пришло именно оттуда. Кроме того, представления многих людей о том, что вполне приемлемо, а что нет, тогда серьезно менялись. Раскрепощение нравов заметно отодвигало границу очевидно нетерпимого, маргинального по отношению к норме, сокращая таким образом число подпадающих под него индивидов. А ведь мерки такого отнесения

нужно брать именно современные события, а не прошлые им. С точки зрения морали советской творилось нечто ужасное, но вот с позиций новой немало теперь признавалось приемлемым. Ведь активно насаждались идеи тотального отрешения, «освобождения от груза прошлого».

Если в общем рассмотреть еще политическую и нормативно-правовую составляющие проблемы, то получается следующее. Эти подходы к маргинальности разбирают отношение человека к существующему порядку в обществе, к власти, ее политике и законам. Маргиналами здесь считаются люди или организации, прямо враждующие с ними или находящиеся на периферии политического пространства. Те, кто отвергают или заметно искажают общепринятые или просто господствующие в том или ином социуме порядки, по такому подходу вполне маргинальны по отношению к ним [1; 158-161] [2; 65-68]. Но в том-то и загвоздка, что эти самые нормы и правила соответствия им именно тогда модифицировались не только очень заметно, но иногда просто на противоположные. И то, что еще несколько лет назад, при прежнем режиме, было незаконным и (или) всячески осуждаемым, теперь нередко становилось приемлемым, а то и желательным. Обратные же метаморфозы претерпевали противоположные им положения. Стремительная, многократная и резкая замена законов, норм и оценок приобрела всеобщий характер, что не могло не сказаться на авторитете их самих и не сделать крайне запутанным выяснение того, что им в тот или иной момент явно не соответствует. Кроме того, официальная власть и культура бесспорно потеряли имевшееся у них ранее право монопольно оценивать эти аспекты жизни, возникло много автономных от них центров влияния, особенно на микроуровне, взявших на себя роль правовых и культурных эталонов. Что привело, по сути, к терминологической анархии, сделав научный анализ весьма трудным.

Если смотреть глубже, в истории СССР отыскать явных, пусть даже временных, политико-правовых маргиналов, пожалуй, даже проще. Достаточно назвать т.н. «лишенцев», ограниченных в правах, подпольные антисо-

ветские группы, активных диссидентов и осужденных преступников. Из них в новой России официально остались лишь последние, каковыми они считаются и в других странах. В ней даже новая Конституция и отраслевые кодексы появились не вдруг, политико-правовой маргинализм являлся скорее скрытым и субъективным. Да и критерии современности взглядов, лояльности, политической принадлежности стали совсем не те. Грубо говоря, маргиналами политического спектра ныне вполне можно было считать ярых коммунистов, а правового – борцов с частной собственностью. Кроме того, даже в официальной системе норм укрепилось «многомыслие», что уж говорить о неофициальных. В этом и сложность прояснения оппозиции норма – отклонение в периоды глобальных перемен. Однако если вообще отвергать ее наличие как определяющего фактора, где пограничное считается маргинальным, и признать все наличествующие варианты равноценными и самостоятельными, то мы вовсе не сможем анализировать проблему. Ведь тогда следует признать или полное отсутствие маргинальности в смысле окраинности, периферийности как таковой (а именно это и означает прямой перевод термина с латыни: *margo* – «край, граница, межа», *marginalis* – «находящийся на краю, на обочине»), или признать ей все и вся. И если отнести к маргиналам большинство общества, сам этот термин потеряет свой смысл. В таком случае он применим лишь в самом общем, отвлеченном значении как отражение переходности, пограничности эпох в жизни огромных масс людей.

А именно так, в социально-экономическом, политико-правовом и общеисторическом смысле, начало 1990-х гг. вполне маргинально в абстрактно-логическом плане его громадной значимости как яркой промежуточности, переходности в судьбе сотен миллионов людей, целых стран к совершенно другим ее формам. В остальных же, конкретных концепциях по сферам жизни общества мы не видим обоснованным характеризовать заявленные процессы как отображение явной массовой маргинальности. Хотя несомненной являлась ситуация маргинализации в виде макротенденции, широко раскрывшегося направления развития

[7; 52] [19; 87]. То время стало своего рода масштабным взрывом огромной мощности, очевидно чрезвычайно опасным и разрушительным самим по себе. Но, наверное, его основное последствие – длительное и глубокое погружение страны в тотальный серьезнейший кризис – оказалось одновременно причиной, отражением и следствием действительной маргинальности, уже по-настоящему структурной, устойчивой, резкой, многократно и длительно самовоспроизводящейся далее. Так наметившиеся направление и мегатенденция со временем осуществились.

Ситуация начала 1990-х гг. в России скорее отвечала не размытым терминам маргиналистики, а конкретным и отработанным марксистским терминам «деклассирование», «люмпенизация» и «деклассированные элементы». Термин «люмпен-пролетариат» (от нем. *lumpen* – «лохмотья») был введен К. Марксом для обозначения низшего слоя пролетариата, который отличается нищетой, слабой политической организованностью и низким культурным уровнем. Впоследствии этот термин был развит в XX в. как на Западе, так и в советской науке. Последней в качестве более общей категории использовалось и понятие «деклассированные элементы» (от франц. *declassé*). Они подразделялись на слои пауперов (от лат. *pauper* – «бедный, нищий») и люмпенов. Процесс деклассирования трактовался как утрата отдельными людьми и группами связей со своим общественным классом, которые определялись его отношением к средствам производства, занятиями и интересами, но не ставшая переходом в состав другого класса. Конечно, такое выпадение из социальной структуры сопровождалось негативными оценками деклассированных элементов как «не участвующих в общественном производстве, морально опустившихся и разложившихся людей». Наличие и даже возможность всего этого при социализме долгое время отрицались.

Деклассирование подразделялось как минимум на два этапа: пауперизацию и люмпенизацию – с соответствующими им категориями населения в результате. Последний слой самого «дна» общества во многом сливался с различными преступными сообще-

ствами и профессиями, а также живущими за счет собирания всего что можно, бродяжничества и попрошайничества. Конечно, это влечет за собой соответствующие последствия в финансовом, юридическом, бытовом, поведенческом и духовно-нравственном аспектах их жизни. Данный слой, очень внутренне разнородный, утрачивает почти все нормальные контакты с остальным обществом, замыкается в себе, крайне обособляется. К нему уже вполне применимо понятие «деклассированные элементы», означающее завершение процесса, в отличие от пауперов, еще находящихся в нем. Это констатация относительно ясного и неизменного положения, где дальнейшее движение возможно почти лишь в рамках самих низов. Именно поэтому, наверное, люмпены со временем стали общим названием деклассированных слоев населения [3; 103-113] [18; 185-190].

Отсюда, сравнивая вышесказанное с характеристикой маргинальности, мы выводим, во-первых, гораздо больший объем данного понятия по сравнению с деклассированием, а во-вторых, немалое совпадение в характеристике основных черт описываемых ими людей и слоев при качественно различном объяснении причин и характера оных, что можно представить в виде логической схемы двух неравных окружностей с крупным общим сектором. Довольно адекватным представляется сравнение этих понятий лишь в социально-экономическом плане. И здесь понимание деклассирования как процесса, а деклассированных элементов как его результата видится нам более подходящим к ситуации начала 1990-х гг. в России. Прежнее социальное деление на классы, слои и группы оказалось во многом разрушено. Причем качественно изменилась именно схема производства, вся экономическая система, что породило слом привычного уклада многих миллионов граждан в виде смены работы, нищеты, крушения прежних государственных и партийных структур, потери твердых жизненных ориентиров, необходимости ради выживания резко менять стиль жизни. Довольно наглядно проступили черты пауперизации и дальнейшей люмпенизации, которые проходили в каждом отдельном случае с различной скоростью и ре-

зультатами в зависимости от внешних и внутренних объективных и субъективных факторов [21; 15-16] [22; 150]. Причем из-за того, что новые структуры лишь мучительно и постепенно оформлялись, на то или иное время большинство людей действительно оказывались не просто на пути из одних категорий в другие (вертикальная или горизонтальная мобильность), а вообще вне четкого социально-экономического деления, что и есть деклассированность. Этот процесс, конечно, тоже не проходил быстро и поголовно. Деклассирование вылилось в наличие устойчи-

вых и больших слоев и групп деклассированных не сразу. Здесь мы можем говорить лишь о явном преобладании и охвате данной линии, но именно как длящегося, незавершенного движения. По-видимому, потеря большинством людей их прежних классовых позиций стала первым этапом, основой последовавшей затем по-настоящему острой, глубокой и застойной маргинальности солидной части населения России. Но мы не можем грубо смешивать и механически совмещать эти процессы, не выделяя их глубоких сущностных различий.

Список использованной литературы:

1. Атоян А.И. Маргинальность и право // Социально-политический журнал. 1994. №7-8.
2. Балабанова Е.С. Андекласс: понятие и место в обществе // Социс. 1999. №12.
3. Бурджалов Ф.Э. Деклассированные слои // Рабочий класс и социальный прогресс. М.: Наука, 1993.
4. Гаврилова И.Н. Бич миграции // Свободная мысль – XXI. 1997. №7.
5. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации // Социологические исследования. 1996. №8.
6. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2000.
7. Дахин В.Н. Государство и маргинализация // Свободная мысль – XXI. 1997. №4.
8. Дмитриев А.В. О социальной дезинтеграции и конфликте // Социс. 1992. №10.
9. Красинец Е.С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М.: Наука, 1997.
10. Маргинальность в современной России / Балабанова Е.С. и др. М.: МОНФ, 2000.
11. Модернизация России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1994.
12. Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе // Социс. 1999. №7.
13. Попова М.Б. Социальная дифференциация и бедность населения. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1998.
14. Розин В.М. Российский маргинал как точка бифуркации // Философские науки. 2003. №9.
15. Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. 2002. №5.
16. Сидоренко С.А. «Underclass» или социальное дно России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Аспект Пресс, 1995.
17. Социальная и социально-политическая ситуация в СССР: состояние и прогноз. М.: Изд-во МГУ, 1990.
18. Стариков Е.Н. Маргиналы // В человеческом измерении. М.: Прогресс, 1989.
19. Стариков Е.Н. Социальная структура переходного общества // Полис. 1994. №4.
20. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. 3-е изд. М.: Изд-во ИС РАН, 2000.
21. Федотова В.Г. Анархия и порядок. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
22. Шевченко В.Н. Люмпенизация населения как угроза национальной безопасности России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Аспект Пресс, 1995.
23. Ярыгина Т.В. Бедность в богатой России // Общественные науки и современный мир. 1994. №2.